

МЕГАН БРЭНДИ

СЛОМАЙ
МЕНЯ

INSPIRIA

МОСКВА
2023

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б89

Meagan Brandy
BREAK ME

Copyright © 2020. BREAK ME by Meagan Brandy
the moral rights of the author have been asserted

Перевод с английского *В. Ивановой*

Художественное оформление *А. Андреева*

В оформлении обложки использована иллюстрация:

© Ketut Agus Suardika / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

В оформлении форзаца и авантитула использована фотография:

© LightField Studios / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Брэнди, Меган.

Б89 Сломай меня / Меган Брэнди ; [перевод с английского
В. Ивановой]. — Москва : Эксмо, 2023. — 448 с.

ISBN 978-5-04-182060-2

Продолжение мирового бестселлера «Парни из старшей школы».

Ройс — один из братьев Брейшо, король старшей школы и мастер находить проблемы на свою голову. У него был идеальный план. Все просто: отомстить Басу Бишопу, соблазнив его младшую сестру.

Но план с треском провалился, когда он встретил Бриэль, умную, дерзкую и опасную. Она совсем не похожа на тех девушек, с которыми он привык иметь дело. И уж точно она не намерена влюбляться в Ройса. Даже несмотря на то, что он невероятно горяч.

Но Брейшо не привыкли проигрывать.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© В. Иванова, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-182060-2

*Тем, кто идет в темноте.
Желаю вам найти свою Полярную звезду
и однажды **почувствовать** свет.*

Краткое содержание

У меня был план, и он был надежен.

Отыскать то, что спрятано, и от души с этим наиграться.
Наиграться с *ней*.

Это звучало так завораживающе.
Пока не перестало.

Дерзкая штучка, которую я нашел, оказалась вовсе не тем,
на что я надеялся.

Она далека от тех, кого я знал, — она превзошла все мои
ожидания.

Она была светом, а я — ублюдком, что повел ее в темноту.
Но эта девушка... Она последовала за мной с улыбкой.

Я сказал ей, что ломаю все прекрасное.
Она попросила меня пообещать.

Пролог

Напряжение рисует складку на лбу. Не только моя голова, но и все тело сотрясается в тяжелой пульсации. Я пытаюсь сделать полный, глубокий вдох, но легкие отвергают мою отчаянную просьбу.

Горячо пульсирующая кровь и выпрыгивающее из груди сердце должны были подсказать мне, что произойдет, но я игнорирую предупреждение, увязнув в кошмаре, который мною же и создан.

Чей-то крик оглушает всех нас, но я не понимаю, кто кричит. Глубокий, пронзительный звук, от которого по всей комнате распространяется паника, а у меня стынет кровь в жилах.

Я застываю на месте, прекрасно зная, что последует за моим движением еще до того, как я его сделаю.

Последняя отчаянная попытка, которая приведет к концу, прямо здесь, на этом самом месте.

Все остальные тоже понимают это.

Тело позади меня напрягается, тень справа подползает ближе, темный неотступный холод крадет воздух вокруг нас.

Меня вдруг разворачивают, швыряют к двери и пытаются вытолкнуть на улицу.

Я притворяюсь, будто послушно двигаюсь, но в последний момент выворачиваюсь и лечу в дальний угол комнаты.

Глаза, что следят за мной, широко распахиваются. На меня бросаются, но я недосягаем.

Я пытаюсь подойти сбоку, вернуть жизнь помертвевшим глазам, стремившимся найти мои, но, когда я оказываюсь рядом, всего в двух шагах, мою душу обжигает неизбежное.

Меня пронизывает боль, но всего на мгновение, а потом...

Ничего.

Глава 1

Бриэль

Он считает себя хитрецом. Развалился на заднем сиденье машины, которая просто не может ему принадлежать, и разыгрывает из себя детектива, делая это отстойно.

В смысле, да ладно. Сидит на виду, болтает, посмеиваясь, с парнем за рулем, курит что-то, что явно купил не здесь, и ждет кого... Меня?

Он что, ждет какого-то грандиозного выхода? Что я накрашу губы, перекину волосы через плечо, выставлю грудь вперед... короче, на «отлично» выполню всю грязную работу, чтобы завлечь его, да? А он все это время будет хихикать про себя, планируя, как будет подбивать клинья к сестренке своего друга.

Нет, ничего подобного.

Он припарковался прямо перед домом моей тети, опустил стекла и даже не пытается скрыть звуки и запахи, исходящие из тачки.

Он не считает себя хитрецом.

Ему просто все равно, потому что он *знает* — он неприкасаемый, это видно по тому, как он распахивает пассажирскую дверь и выходит легкой поступью негодяя-бунтаря.

Этот парень родом из города, который так далеко отсюда, что даже не смешно.

Здесь подростки напиваются на автомобильных тусовках на грязном берегу реки. Ночуют на открытом воздухе, а утром их

встречают дома любящие родители — встречаются с улыбками, с печеньем или вкусной подливкой. Здешние подростки дерутся из-за девушек или парней, или из-за того, кто виноват, что во вчерашней игре команда соперника набрала больше очков. Простые, будничные дела.

В мире же, откуда приехал он, подростки — понятие из прошлого, вечеринки устраиваются в особняках, родителям все равно, а драки гораздо более жестоки. Тот город основала нечистая на руку властная семья, и она же теперь управляет им в отсутствие системы правосудия.

Нет, это тоже неверно.

Там *есть* система правосудия, но она состоит из трех нахальных и безжалостных восемнадцатилетних парней.

Три брата, не родные по крови. Каждый из них был рожден для цели более великой, чем способны понять те, кто находится извне.

Братья Брейшо.

Один из которых в эту самую секунду сидит рядом с моим домом и ждет.

Пусть подождет еще чуть-чуть, его это не убьет...

Ройс

Мы сидим в развалюхе, взятой напрокат: я не мог воспользоваться своей, потому что братья достали бы потом своими вопросами, а машина Мака — тоже не вариант. Райончик самый простой, но не лишен очарования. Симпатичные домики выстроились в ряд, веранды и стриженные газоны. Тот дом, за которым мы с Маком наблюдаем, выкрашен желтой краской, перила и дверь белые, окна закрыты жалюзи.

Толкаю дверцу драндулета и выхожу. Направляюсь к скамейке под старым расщепленным деревом — молния в него, что ли, шарахнула?

— Почему ты сидишь и пялишься на мой дом?

Вскакиваю, поворачиваюсь и вижу миниатюрную цыпочку. Максимум пять футов. Дюймовочка. Солнцезащитные очки скрывают ее глаза от меня.

Перепрыгиваю через скамейку и двигаюсь прямо на нее. Она задирает подбородок к небу — для нее это единственный способ смотреть мне в лицо, — но не отступает ни на дюйм назад.

— Я сижу тут, потому что перед домом нет забора, потому что перед скамейкой нет таблички «Сидеть запрещено» и потому что тут нет злобного пса, готового наброситься на меня.

— Зачем здесь злобный пес? Это место настолько безопасно, насколько это вообще возможно. А насчет таблички — хорошая идея.

— Безопасно? Ничего подобного, малышка! — пугаю ее.

Но такую не проймешь.

— Худшее, что тут может случиться, — это то, что Том Марвелл, коммунальный работник, польет газоны в четные дни вместо нечетных. — Она изображает ужас, открыв рот и наклонив голову.

Так-так, значит, она стерва.

Я пристально смотрю на нее.

— Похоже, ты намекаешь, что скоро я попаду под душ?

— Точняк.

— Ты сказала, что это твой дом, Дюймовочка? Ты живешь здесь?

Она просовывает большой палец под лямку своей сумки.

— Ага.

Окидываю взглядом ее фигурку.

— Что, прям всеми твоими пятью футами?

Девчонка выпрямляет спину и становится выше на целый дюйм. Я хочу сказать что-нибудь остроумное, но тут дверь дома открывается, и мои губы разъезжаются в глупой улыбке.

Густые темные волосы, бледная кожа...

Идеальное сочетание.

Вот она.

Точная копия ее брата-мудака.

Час расплаты близко.

— А, *теперь* все ясно, — разочарованно говорит коротышка.

— Да ладно, не переживай особо, нервные клетки не восстанавливаются, — говорю я, а сам смотрю, как красотка в дверях подносит к губам в красной помаде сигарету и закуривает.

Ее голова поворачивается в нашу сторону, глаза прищуриваются. На этом все — девчонка в дверях ждет, что последует дальше, но и я жду того же, хотя с губ почти что срывается: «*Иди сюда, кис-кис-кис*».

В конце концов она не выдерживает и медленно направляется к нам.

— Можешь идти, — говорю я пигалице, но та не двигается с места.

— Сестра, — тянет темноволосая. — Этот твой друг? — Ее губы раздвигаются в сексуальной усмешке.

Что же, неплохо. Немного самоуверенно, но все отлично. Спесь сбить легко, было бы сложнее, если бы она сомневалась в себе.

— Он мне не друг, — охотно делится коротышка, а потом с отвращением добавляет: — Вообще-то он здесь из-за тебя.

Нахальная улыбка становится еще шире, словно она уже и сама догадалась.

Еще минуту назад я чувствовал себя хищником, который хочет поиграть со своей едой, но, похоже, она и сама не прочь поиграть.

Придвигаюсь ближе, так что наши глаза оказываются почти на одном уровне, и она опускает взгляд на тату у меня на шее.

— У меня есть час, прежде чем на нас обрушится реальность, *Бриэль*, — говорит коротышка. — Я тебя честно предупредила.

Ни хрена не понимаю, но улавливаю имя.

Бриэль долго смотрит на меня, а затем поворачивается к сеструхе.

— Погуляешь снаружи еще немного?

Враждебность девчонки очевидна:

— Когда бы я ни пришла, у тебя находится что-то срочное.

Бриэль, ухмыляясь, ведет меня напрямиком туда, где хочет заняться со мной сексом.

К себе в спальню.

Там гребаный беспорядок, повсюду какое-то дерьмо, а кровать не застелена. Я уже почти готов выйти и утащить ее за собой, но она начинает раздеваться. Что ж, позволю ей устроить небольшое шоу. Я парень похотливый, а она как раз на грани этого.

С обнаженной грудью и все еще в обтягивающих штанах она встает на колени, высвобождает мой член и, не теряя времени, втягивает его почти до горла. Мне такое не нравится — мне нужна небольшая прелюдия, чтобы кровь запульсировала в венах. И тем не менее член набухает, а мысли путаются. Я наблюдаю, как она работает со мной, запускаю руки в ее волосы, чтобы придать ей немного больше драйва, но и сам ловлю кайф — почему нет? Проходит минута или две, потом она стонет у меня на члене. Но мой стояк выпускает лишь жалкую струйку вместо полного салюта.

Откидываю голову, и мой взгляд совершенно случайно скользит по окну.

Я замираю.

Ее сестрица подглядывает за нами через дырку в жалюзи. Черт... не просто подглядывает, а снимает нас на телефон. Ее глаза широко распахиваются, когда она понимает, что ее застукали. Внезапно она исчезает, а я слышу громкое «мать твою».

— Какого черта? — рявкаю я, высвобождаясь и вскакивая на ноги.

Мой стояк тут же падает, я быстро застегиваю джинсы и выскакиваю за дверь.

Если она все это снимала, ей не жить.

— Ну ты нахалка, — смеется Бриэль, выходя за мной на крыльцо; она даже не потрудилась прикрыть обнаженную грудь.

Девчонка вскакивает с земли и, прихрамывая на одну ногу, торопливо скрывается за домом.

— Тебе лучше догнать ее, — пропевает Бриэль.

Я сердито оглядываюсь на нее через плечо:
— На хрена мне это надо?
Она ухмыляется и, прежде чем вернуться в дом, бросает:
— Потому что... *она* и есть Бриэль. А я — ее кузина, Сиара.
Я чувствую себя полным идиотом, когда она захлопывает дверь у меня перед носом.

Твою мать!

Перепрыгиваю через перила и бегу за маленькой засранкой.

— Эй! — ору я.

Она прибавляет скорость, но с подвернутой ногой далеко не убежишь. Хватаю ее за руку, и игра в догонялки заканчивается. Я победил.

Ее глаза все еще скрыты за большими очками.

— Зачем ты заставила меня думать, что она — это ты?

— Так это ж твой выбор, — фыркает настоящая Бриэль. — Ты решил, что она сексуальнее и *доступнее* из нас двоих.

Открываю рот, чтобы ответить, и тут же закрываю — а что ей на это сказать, если я и правда так подумал?

Она встает в свою любимую позу — скрещивает руки на груди.

— Я знаю, кто ты.

— Да? И кто же?

— Ты — Ройс Брейшо, из клана Брейшо, — выпаливает она.

Щелкаю языком.

— А ты кто такая, раз уж мы говорим откровенно?

Она протягивает руку, и я бросаю на нее хмурый взгляд.

— О, извини, верно. Ты же из богатеньких и можешь не знать... Так вот, это — жест дружелюбия, многие люди им пользуются.

— Гляжу, твое имя — Всезнайка.

Она выставляет вперед бедро.

— Пожми мне руку, Ройс Брейшо.

Я хлопаю ладонью по ее ладони, потом она крепко, по-мальчишески, жмет мне руку.

— Брейшо... Приятно наконец познакомиться с одним из вас во плоти, — она перекидывает сумку с одного плеча на дру-

гое. — Ты и так уже знаешь, кто я, — она делает паузу. — Ну, по крайней мере, *теперь*.

— Предпочитаю услышать твое имя из твоих уст, — настаиваю я. Сжимаю челюсти и жду, когда она заговорит.

Она этого не делает.

Шагаю ближе.

— Не играй со мной в игры, девочка.

— Ага... С тобой нельзя себя так вести, потому что ты — *Брейшо*.

Легко представить, как эта маленькая дрянь закатывает глаза за темными очками.

Она бросает взгляд на часы, и во мне нарастает гнев.

— О'кей, — фыркает она. — Я Бриэль Бишоп, и я уже опаздываю.

Коротышка разворачивается и уходит.

Уходит.

Да...

Черт возьми, я не дам ей уйти.

Иду вслед за ее задницей.

Бриэль

Вот дерьмо, за мной гонится один из боссов-психопатов моего брата, и не просто *какой-то* из его боссов.

Сексуальный, слегка пугающий — «я расплавлю тебя своими темными дерзкими глазами», плейбой, о котором я так много слышала, но с которым никогда прежде не встречалась нос к носу. Стоит, зараза, прямо за мной, глядя, как я ковыляю. Да он и правда способен меня уничтожить одним своим взглядом.

Ладно, хватит.

Если честно, выгляжу я совершенно не так, как могли бы вообразить эти парни, с которыми тусовался мой брат. Не тусовался — он почти четыре года прожил в общежитии при школе Брей и все это время работал на них. Этот красавчик объявил-

ся тут, держа в уме, что мы с братом похожи, а значит, он без труда меня вычислит, но на самом деле я полная противоположность Басу.

Мой брат-бунтарь — ростом шесть футов, и он тоже красавчик, хотя кому-то может показаться неприступным. Бледный, с угольно-черными волосами и светло-голубыми глазами. Он наделен природным обаянием, и к нему тянет людей. Не сомневаюсь, Бас без особых усилий способен реализовать себя в каком угодно качестве, но если нужно помочь кому-то, тут он вообще незаменим.

Я же, напротив, законопослушная девочка, ростом пять футов с кепкой, о чем так не оригинально пошутил этот Ройс. Солнечные очки скрывают цвет моих глаз, так что у него нет возможности поискать схожесть с глазами Баса, да и все равно бы он не нашел. У меня короткие волосы, и они так близки по цвету к платине, что остается лишь добавить немного фиолетового шампуня, и — бам! — чистое серебро.

Задница у меня вполне приличная — пусть и, я уверена, не такая, к каким он привык. Взять, к примеру, Сиару — у нее поп-ка высокая и упругая. Моя же более пухлая, похожая на персик, полная и округлая, но мне нравится, как она контрастирует по объему с моей талией, и, что бы он там ни думал, мне плевать.

Это не значит, что мне нравится, как он глазеет на меня, оценивая взглядом, хотя... если он вообще занят именно этим.

Почему он все еще идет за мной?!

Мою ногу пронизывает внезапная острая боль. Я морщусь, но продолжаю идти.

— Остановись, — приказывает он, словно я обязана послушаться.

Я ускоряю шаг.

— Не могу. Я уже сказала, что опаздываю.

— Куда, на урок по Ветхому Завету?

— Очень смешно, очень, — язвительно отвечаю я, проклиная про себя ужасную школьную форму, что нам приходится носить. — Слегка разочаровывает, если учитывать твою репутацию находчивого парня, но, может, все, что я о тебе слыша-

ла, неправда. Раз уж на то пошло, ты как-то неожиданно... не соответствуешь.

Запинаюсь непонятно обо что, но, прежде чем успеваю упасть, огромные руки подхватывают меня под верхние ребра и не спешат отпустить. Сумка падает мне на локоть.

Вскидываю голову и наклоняю набок, чтобы встретиться взглядом с его рассерженными глазами.

— Ну, давай, девочка, — насмешливо шепчет он. — Если хочешь плести небылицы, начни с той, лживость которой я не смогу доказать прямо здесь и сейчас.

— Риски, скользкий тип.

Он слегка пожимает плечами, и что-то подсказывает мне, что именно это он и сделает — рискнет. Чуть сдаю назад и пытаюсь юркнуть в сторону.

— Э, нет, не надо, — он ловит меня.

Ладно, виновата. Я солгала.

Насколько я могу судить по своему непродолжительному подсматриванию за ними, парню не то чтобы чего-то недостает, просто, готова поклясться, дело было в Сиаре — слишком она скучная, невозбуждающая.

Не его типаж, если у этого рельефного плейбоя такой вообще есть.

Я не осуждаю кузину. У нее свои законы, и она использует секс, чтобы почувствовать себя лучше. Как по мне, Сиара прыгает в него, словно собака в пекло. Но у нашей самопровозглашенной королевы быстрого перепахивания на все есть объяснение — я то и дело слушаю ее рассказы о том, как она выпиливает из секса чувственность. «Дай им больше, чем твое тело, Бри, и они все обгадят».

Слова о крушении, да?

Вот только с таким, как этот, думаю, так вести себя вообще не стоит.

Держу пари, вам придется разбудить в себе шеф-повара, если вы намерены получить пятизвездочное наслаждение от этого слишком высокого, слишком великолепного, слишком brutального мальчишки.

А без этого вы сами себя обсчитаете.

Это как пить какао без взбитых сливок — лишить себя полного, восхитительного восторга.

Уголок его рта приподнимается, но глаза все еще щурятся.

— Далекo не мальчишки, коротышка.

Я морщу нос, по коже пробегает дрожь.

— Я что, сказала это вслух?

— Ага.

— В смысле... все целиком? Или, ну, только про мальчишку?..

Готова поклясться, он готов рассмеяться, но сдерживает смешок, и намек на смущение, подогревший мне кровь, тут же испаряется.

— Давай так, — начинает Ройс, — ты повторишь *все целиком*, и я расскажу, какой частью ты уже поделилась.

— Звучит ужасно.

Он приподнимает бровь, и мой взгляд притягивает крошечный шрам над темным изгибом.

Как только я позволяю себе сосредоточиться на нем, меня уже не остановить, и я начинаю искать еще. Зачем я это делаю? Чтобы найти доказательства борьбы и боли, признаки прожитой жизни и той тьмы в ней, о которой я так много слышала.

Замечаю маленькую отметину на скуле, еще один едва заметный след на щеке, но потом мой взгляд падает на пухлую нижнюю губу, которую он подтягивает к верхним зубам.

Он просто идеально небезупречен... и он все еще держит меня.

— Зачем ты здесь? — Я поднимаю на него глаза, зная, что он не может заглянуть за стекла моих очков.

У него на лбу образуется маленькая складка. Он хочет знать, откуда мне известно, кто он, и даже больше: почему я спрашиваю об этом. Но все эти его вопросы остаются без ответов — он решает, что сейчас важнее спросить о другом:

— Зачем ты заставила меня думать, будто твоя кухня — это ты?

Потому что я скрытная и всегда всем угождаю.

— Мне показалось, она больше подходит под твой типаж.

У него в глазах знакомое мне пламя. То, которое вспыхивает, когда ты встречаешься с осуждением или предубеждением, но разве он сам не проявил и то и другое по отношению ко мне?

Он сам взглянул на Сиару и — бум — все про себя решил. Что вполне естественно, если опираться только на внешние признаки.

Увы, это самый большой недостаток человечества — суждение по внешнему.

— Мой типаж, значит? — Он прикусывает губу с явным раздражением. — И почему это ты так решила?

— В смысле... ну, вы же ходите в одинаковых штанах, — шучу я. — Как две капли воды, как Твидлди и Твиддам¹, Чич и Чонг².

Это срабатывает. Он выключает оборонительный режим, уголок его рта снова приподнимается, и он разражается внезапным смехом.

Его смех не развязный и необузданный, но достаточно громкий, чтобы с деревьев вокруг нас вспорхнули птицы. Глубокий и с хрипотцой, но при этом живой и свободный, так что я тоже начинаю улыбаться, но стоит лишь моим губам растянуться, как улыбка гаснет.

Всего за мгновение парень меняется — теперь на нем лучшая из масок на несуществующем маскараде, который он сам для себя устроил.

Сама фальшивка во плоти.

Или, может, называть его «фальшивкой» не совсем уж справедливо, но он сам решил подвергнуть себя цензуре.

Я не хочу, чтобы рядом со мной был кто-то еще такого типа — закрытый и склонный прятаться. Все вокруг меня только и делают, что что-то от меня скрывают.

— Ты можешь уже меня отпустить, — говорю я ему.

¹ Комические персонажи из книги Л. Кэрролла «Алиса в Зазеркалье». — *Здесь и далее примеч. переводчика.*

² Американский комедийный дуэт, состоящий из Ричарда «Чич» Марина и Томми Чонга.

Он наклоняет голову, и взгляд его бездонных темных глаз в окружении густых черных ресниц пронизывает меня.

Внутри что-то переворачивается, мне хочется отвести глаза, но я не могу.

Пытаюсь заставить его отступить, раз сама стою, словно приклеенная.

— Уверена, я больше не падаю.

— Кто сказал, что я схватил тебя, потому что ты падала? — Его руки сжимают меня еще крепче, а сам он придвигается все ближе и ближе, не оставляя ни пространства для разворота, ни воздуха для дыхания. Кстати, от него пахнет травкой и еще чем-то восхитительным. Ветром и водой.

Я хмурюсь, отгораживаясь от волнующих ароматов и не понимая, к чему он клонит, как вдруг у меня в ушах раздается визг тормозов. Резко поворачиваю голову к дороге и вижу маленькую белую машину. В ту же секунду, как она останавливается, из нее выскакивает парень. Он обегает развалюху, распахивает заднюю дверь и окидывает пристальным взглядом территорию вокруг.

Мне нет нужды делать то же самое — я знаю, что в нашем квартале ранним утром всегда тихо и пусто.

Меня охватывает паника, позвоночник сводит, горло будто смыкается, не позволяя сделать вдох.

Ройс наклоняется и подхватывает меня под колени. Мое тело скукоживается, и я вцепляюсь в него обеими руками на случай, если он решит меня бросить.

Прежде чем моему мозгу удастся понять, что происходит, Ройс выскакивает на дорогу и вместе со мной ныряет на заднее сиденье. Дверь захлопывается, машина почти сразу срысывается с места.

Мне определенно стоило бы стряхнуть с себя состояние шока и закричать, начать пинаться и драться, устроив ему настоящего парня-каратиста, но все, о чем я могу думать, это: «Вот. Же. Дерьмо».

Меня только что похитил Брейшо.

И я ему просто позволила.

Глава 2

Ройс

Ладно, все пошло не по плану.

Я приехал сюда, чтобы найти Бриэль Бишоп, а в итоге позволил ее кузине засунуть в горло мой член, но из этого ничего путного не вышло.

Технически моей вины в этом дерьме нет — девчонки меня разыграли, но все же я осел, который повелся на развод.

Я был четко настроен на определенный типаж — девчонка достаточно жесткая, чтобы быть сестрой придурка, который заслужил высшую должность в грязных делишках моей семьи быстрее, чем кто-либо до него. Девчонка с дерзким нравом и упорством, с грязью под ногтями и татуировкой на плече.

Так что да, я думал, что Бриэль — крутая, опасная, искушенная, а не маленькая и уставшая, не способная даже спрыгнуть так, чтобы не подвернуть чертову лодыжку.

Смотрю на девчонку, которая все еще сидит у меня на коленях. Она не дерется со мной. Глаза не округлились от ужаса, она будто и не взволнована, не взбешена, она не лупит меня кулаками. А ведь что-то из этого она должна делать.

Но не делает.

Малявка спокойна и расслаблена, и это выводит меня из себя.

Может, она вообще того?

Стоит мне только об этом подумать, как ее правая рука поднимается, и я уже не сомневаюсь в поставленном диагнозе, потому что она вовсе не собирается оцарапать или ударить меня.

Не-а, эта только что похищенная мини-штучка просовывает руку между сиденьями в тупейшем жесте — чтобы представиться чуваку, который сидит за рулем.

— Я — Бриэль, — говорит она.

Мак хмурится и переводит взгляд на меня, но, когда она кивает ему, он тяжело вздыхает и пожимает ее ладонь.

— Мак.

— Я так и знала. Не Мэддок и не Кэптен. Интересно, интересно...

Я смотрю на нее:

— Что — интересно?

— Что ты здесь, а они нет. Я думала, что вы, парни, ну, типа, как три мушкетера, — выпаливает она.

Мое непроницаемое лицо не выдает ни одной эмоции, я слежу за этим. А она начинает покачивать головой, подобно китайскому болванчику, ее чертовы очки и короткие шелковистые волосы только усиливают эффект.

— Ну, знаешь, — продолжает она. — Один за всех и все за одного...

Для убедительности девчонка сжимает свой чертов кулачок.

Мак давится смехом, но прокашливается, чтобы скрыть это.

Я переглядываюсь с ним в зеркале заднего вида — у него прямо на лбу написано, как ему весело. А еще там написано, что этот хрен собирается делать дальше.

Он поворачивает зеркало так, чтобы лучше видеть Бриэль.

— Так значит, эм-м, Бриэль, — произносит он. — А фамилия у тебя есть?

— А что, она есть не у всех? — пожимает плечами девчонка.

— Не в нашем мире, — улыбается он.

— Ах да, в вашем мире... Печально известный городок без какой-либо системы правосудия. Так, пара копов патрулируют улицы, чтобы отвлекать внимание посторонних, пока один из трех неистовых парней взмахивает хлыстом. — Она смотрит на меня, и да, у меня складывается ощущение, что она меня дразнит, хотя тон у нее сексуальный. — Скажи, плейбой, а хлыст у тебя кожаный?

Плечи Мака трясутся от еле сдерживаемого смеха, а я все еще пытаюсь понять, что представляет собой эта цыпа.

Она расслабленно откидывается назад.

Расслабленно.

В машине с двумя незнакомыми ей парнями, которые только что схватили ее и повезли куда-то, ничего не объяснив.

Не получив от меня ответа, малявка прислоняет голову к окну и меняет тему разговора. Наконец-то.

— Куда мы едем?

Я сверлю ее взглядом.

Почему она такая спокойная?

— Ты, типа, привыкла, что какие-то засранцы хватают тебя, бросают в машину без номеров и все такое?

— Нет, — она фыркает от смеха. — А *ты*, типа, привык пилить по десять часов, чтобы мило пообщаться с младшей сестрой парня, которого вы наняли изображать гангстера для спасения ваших гребаных жизней?

— Какого хрена? — Я дергаюсь, вытаскивая из-под нее свое тело. Девчонка падает между сиденьями, но тут же усаживается рядом со мной. — У твоего братца слишком большой, мать его, рот.

— Не смей так говорить о моем брате! — тут же выпаливает она.

— А не пошел бы твой братец в известном направлении, — громко рявкаю я, и у нее слегка вытягивается шея. — Ему не позволено...

— Что не позволено? Разговаривать, рассказывать что-то, делиться подробностями о своей жизни? — перебивает она, нахмутив лоб. — Да уж поверь, я в курсе подписки о неразглашении информации. Твоя семейка всех заставляет подписать такую, гласно или негласно.

Я стискиваю зубы, потом говорю:

— Ну и что еще ты знаешь?

Она пожимает плечами и отворачивается к окну.

— Если вы что-то делаете, это не значит, что все кругом слепые и глухие.

— Девочка, я понятия не имею, к чему ты клонишь, но просто... замолкни.

— Тебе надоело мое общество?

— Нет, я просто хочу затолкать тебе в рот кляп, засунуть твою задницу в мешок, а мешок бросить в багажник.

Она выворачивает запястье...

Она выворачивает свое чертово запястье, а я бросаю хмурый взгляд на Мака, посмевшегося хохотнуть.

— А как насчет того, что я замолкну, когда ты начнешь говорить? — торгуется она, выставляя вперед ладонь — типа, предлагая перемирие.

Смотрю на ладонь, потом на нее.

— Не ты здесь устанавливаешь правила.

— И не ты, — смеется она в ответ. — Ты сейчас в долбаной глубинке. Единственные правила здесь — никогда не брать последнее пиво из холодильника, не заменив его на новое, и не кормить лошадей полицейского патруля.

— Девочка...

— Меня зовут Бриэль, — снова перебивает она, наклоняясь ко мне. — Не девочка, не коротышка, не пигалица и не все остальные мерзкие прозвища, которыми ты швыряешься в меня, потому что хочешь напомнить — я ничто и никто. Я поняла. Ты реальное воплощение Тетушки Булли — ты большой, а я маленькая.

У меня отвисает челюсть.

— *Что?*

Она наклоняет голову.

— Ты что, не смотришь телевизор? Не смотрел кино, когда был ребенком? Был слишком занят, разыгрывая из себя Мстителя и спасая свой мирок каждый раз в новой миссии?

Все, теперь, мать вашу, официально. Девчонка чокнутая.

— Ладно, ты, наверно, не виноват в том, что конкурируешь с киношкой, — рассуждает она, словно я понимаю чушь, которую она несет. — Я всего лишь пытаюсь сказать, что ты, видимо, посчитал меня бесполезной для своего мира, но это не дает тебе права заявляться в мой и вести себя, как хрен с мизинец.

Я уже готов прервать ее за дерьмовую попытку преподать мне урок, но вместо этого приподнимаю подбородок.

— Почему ты без конца твердишь всю эту хрень?

Над темными очками взлетают брови:

— Какую?

— Почему ты обвиняешь мою семью и пытаешься сказать, что ты другая?

У нее на лбу прорезается складка.

— *Зачем* ты приперся, Ройс Брейшо?

Я долго смотрю на нее. Молча. Ну и как этой ненормальной объяснить?

Она понятия не имеет, что к чему.

Наверняка она думает, что это мы отправили ее сюда, чтобы она жила с теткой и кузиной, насильно оторвав от брата. Но это полная фигня, искаженная версия правды в кратком пересказе, если в нем вообще есть правда.

У нас в городе, в двух шагах от нашего дома, есть два приюта, или общаги, как их все называют, — один для парней, второй для девушек. В наш первый год в старшей школе, когда Ролланд, наш отец, все еще сидел в тюрьме из-за какого-то дерьма, мы получили от него файл — обычно отец отправлял такой, когда в одном из приютов появлялся новый перспективный кандидат. На сей раз файл был озаглавлен фамилией Бишоп. К файлу были приложены несколько дюжин больничных и полицейских отчетов с подробностями о том, как двух детей жестоко избивал их собственный отец. Детьми были Бриэль и ее брат, Бас. Им уже собирались найти приемных родителей, когда о них узнал наш отец — узнал и сразу же положил на них глаз.

У всех, кто попадает в общагу, одна и та же история, но с разными подробностями. Все они — подростки, на которых плевать обществу, и наша задача — наставить их на правильный путь. Ну, или на наш вариант правильного пути, который иногда бывает весьма извилистым, зато честным. Мы предлагаем им жизнь в городе, которым управляем. А в ответ ждем уважения и преданности; они должны заслужить наше доверие.

Но это срабатывает не всегда.

Есть засранцы, которые сами все портят, и мы их «убираем»... ничего такого, просто отсылаем куда подальше, что делать, если некоторые просто не созданы для погружения в наш

мир. А остальные, те, кто принимает наши условия, они прямо-таки расцветают в привычных условиях, оттачивая навыки выживания на улице, которые получили еще до того, как попали к нам.

Они начинают работать на нас, и мы даем им все, о чем они могли только мечтать, — безопасный кров над головой, деньги и цель.

Мы дарим им будущее — то, что большую часть своей жизни они считали для себя утопией из-за первой дерьмовой карты, что выдала им вселенная. С нами у них в карманах появляется туз, и с этого туза начинает расти их преданность, а за ней следует и остальное.

Бас, старший брат этой пигалицы, был агрессивным засранцем, но умным при этом. Мы не сомневались, что он просто создан для нашего мира, и поэтому пошли к нему с предложением — живи с нами, учись в нашей школе, веди себя правильно и заработай место в нашей империи.

Он сразу же согласился, но у него было условие.

Его сестренка — она была всего на тринадцать месяцев младше — должна жить там, где будет свободна от мира проблем, в который он сам был готов нырнуть с головой. Бас хотел, чтобы она жила подальше от всех опасностей, которые мог принести наш мир, хотя мы вытащили ее из того, в котором она родилась, а он был не менее опасным. Но Бас сказал, что она здесь не выживет, если поймет, что променяла шило на мыло, и он не сможет это вынести.

Так как цель нашей семьи — защищать тех, кто в этом нуждается, предлагать больше тем, кто этого ищет, и справляться со всем дерьмом, что встает у нас на пути, справляться так, как мы считаем нужным, мы сочли приемлемым его условие. В конце концов, мы тоже хотели для этой девочки лучшего.

По требованию Баса мы обязались каждый месяц отправлять приличный чек с наших счетов, чтобы о ней хорошо заботились, и она поехала жить к родственникам. К тете и кухне, которые были рады ее принять и... сделать такой же, как они.

В их представлении, она будет жить рядом с ними счастливо и безбедно.

Судя по комментариям Бриэль, она думает, что изначально нам нужен был только ее брат, а она — отброс, от которого мы избавились.

Значит, Бас так и не решился разбить сердце своей сестренке правдой.

Клево, может, за него это сделаю я.

— Зачем я приперся? — повторяю ее вопрос, и мои губы медленно растягиваются в усмешке. — Я здесь, чтобы разузнать побольше о девчонке, которую спрятали от нас.

Кажется, мне удалось пробудить в ней интерес, так как она выпрямляется и запускает кончики пальцев в серебристые волосы.

О, да. Слишком просто.

Я расслабляюсь и кладу руку поверх спинки сиденья.

— Так ты говоришь, маленькая Бишоп, что ты в теме?

Бриэль

Тарашусь на него округлившимися глазами, хоть он и не может этого видеть, я же в очках. На губах у него играет самодовольнейшая улыбка.

Прикладываю все возможные усилия, но мне не удается себя перебороть. Мои щеки наполняются воздухом, и в следующую секунду я начинаю дико хохотать.

Маска уверенности сползает с его лица так же быстро, как и появилась, а между бровей пролегает тяжелая складка.

— О боже, — я падаю на дверь. — Ты это серьезно?

Несколько долгих мгновений он неподвижно сидит, а потом наконец наклоняется вперед, будто в замедленной съемке, дешевая кожа сиденья скрипит под ним.

Такой натренированный плейбой.

Он замирает, едва не касаясь носом меня.

— Ты сомневаешься, что я говорю серьезно?

— А давай я по-другому скажу: я совершенно уверена — ты считаешь меня какой-то дремучей провинциалкой, не способной распознать при встрече волка, но это я могу.

— О'кей.

Мрачный тон, каким сказано это «о'кей», удивляет меня — будто лезвие поднесли к шее.

Вдруг позади меня распахивается дверь. Так мы остановились? Я и не заметила.

С визгом лечу назад, но меня останавливает чья-то промежность. Поднимаю глаза и вижу водителя, Мака, стоящего позади меня.

«Шкафчик» хватается за меня под руки и ставит на землю. Ройс выходит из машины и в следующую секунду оказывается передо мной. Я зажата, будто в сэндвиче, между двумя качками Теб мускулы, что у меня за спиной, хорошо натренированы, а те, что спереди... прямо чувствую, какие они напряженные.

Клево, да. Эм-м, ничего особенного.

Им обоим далеко до идеальной формы пистолета, который я успела заметить у Мака за поясом.

Мой пульс ускоряется, тревожность возрастает до предела, хотя и у нас на выселках не такая уж и редкость, когда парни при оружии.

Но эти — не из местных, и, я думаю, там, откуда они родом, пушки еще более привычное дело.

Интересно, как низко спускается тату у Ройса на шею?

— Спроси, и я тебе покажу, — поддразнивает он со сдержанной улыбкой. — У тебя что, привычка произносить все вслух?

— О которой я не знала до... ну, знаешь... до сегодняшнего дня.

— Продолжай, это здорово подпитывает мое эго.

— Хм... — протягиваю я, наклонив голову. — Мне кажется, твое эго и так уже перекормлено.

В его глазах загораются огоньки, но в остальном — без эмоций.

Он проводит языком между губами.

— Дай мне свой телефон.

— Попроси вежливо.

Губы Ройса Брейшо складываются в твердую линию, но мне кажется, что он пытается спрятать улыбку.

Возможно.

Впрочем, я не уверена, потому что он по-прежнему смотрит на меня с раздраженным прищуром.

Хмурюсь, когда вижу свой телефон — Мак вытащил его из моей сумки.

Ройс берет его и протягивает мне, чтобы я ввела пароль, и спустя несколько коротких мгновений его собственный вибрирует у него в кармане — я чувствую это, потому что он стоит очень близко к животу.

Его карман находится *выше* моего живота. По сравнению с ним я и вправду ростом с ребенка.

В смысле, разница в росте может быть суперинтересной, правда?

Ройс приподнимает одну бровь, и я морщусь.

— Виновата...

Мне следовало бы догадаться, что он читает мои мысли. Или я правда говорю вслух?

Боковым зрением замечаю флаг, трепещущий на ветру, и понимаю, что они привезли меня в школу.

— Я опаздываю, — вспоминаю я.

Ройс, игнорируя мои слова, подступает еще ближе. Они что, хотят раздавить меня?

Слегка запрокидываю голову назад, чтобы заглянуть в глаза этому плейбою, пользующемуся дурной славой. Возвышается надо мной, весь такой сильный и уверенный в себе...

Он делает глазами знак Маку, и тот отступает; дверь авто с тихим щелчком закрывается за ним.

Ройс нависает надо мной и шепчет:

— Малявка, ты умеешь хранить секреты?

— Я могла бы сказать «да», но тебя все равно не убедишь. — «Малявку» пропускаю мимо ушей.

Он медленно кивает, заводит руку назад, открывает переднюю дверцу и усаживается в машину. Потом через открытое окно протягивает мне телефон.

Я делаю шаг вперед, но как только мои пальцы касаются корпуса, Ройс хватает меня за запястье свободной рукой.

Вскидываю на него глаза.

— Будь умницей, — произносит он, прежде чем отпустить.

Я более чем уверена — он ждет ответа, неважно, какого. Нагибаюсь, стараясь не опираться на большую ногу, и смотрю мимо Ройса на его друга.

— Моя фамилия — Бишоп, кстати говоря. Ты ведь спрашивал?

Разворачиваюсь и ковыляю прочь под грохочущий вслед хохот Мака.

Когда я отхожу на несколько футов, что-то заставляет меня остановиться и оглянуться.

Обнаруживаю, что маленькая белая машина по-прежнему стоит на помеченной красным цветом зоне, где запрещено парковаться, но запреты не для них.

Мак жует бургер, держа в руке телефон, а Ройс все в той же экзотической позе — наполовину свешивается из окна и не сводит с меня глаз.

— Эй, вы можете ехать! — кричу погромче, чтобы он услышал.

— Ага! — Он стучит длинными энергичными пальцами по дверце. Татуировки у него на предплечье двигаются, будто живые.

И тут, словно боги осознали, что один из них оказался среди нас, смертных, сквозь облака прорывается солнечный луч и падает прямо на него. На шее блестит серебро или золото, но я вижу только верхнюю часть цепочки — все остальное прячется на груди.

Мой взгляд скользит ниже, воображение разыгрывается — что там у него под футболкой? — но он хлопает ладонью по дверце, и я отбрасываю щекотливые мыслишки.

— Иди на уроки, *Бриэль Бишоп*. Я буду здесь, когда ты выйдешь.

Крепко обхватываю свою сумку.

— Зачем?

— А почему бы и нет?

Смотрю на свой телефон, потом на него.

— Сейчас девять утра. Тебе придется ждать несколько часов.

— Ничего, у меня есть время.

— Правда? — При мысли о том, что он будет торчать тут весь день, в горле встает ком. — А разве тебе не надо в школу? Или тебя отчислили? А может, раз ваша старшая школа носит имя твоей семьи, тебе можно вообще там не показываться? Ну точно-точно, в школу ты не ходишь и потому торчишь здесь, весь такой из себя скучающий, в полном моем распоряжении...

Что за... Да что это со мной? Я-то знаю, на что способен этот богатенький Робин Гуд в идеальной обертке.

— Возможно, — Ройс облизывает губы. — А не лучше ли тебе, всезнайка, развернуться и снова показать мне свою попку, пока ты идешь на урок? А то ведь я могу и по-другому поступить — выйду из машины и пойду за тобой.

Нормальная девица покраснела бы, но меня не затоснило от мысли о том, что он запросто может так сделать. Черт возьми, нет! От этого моя жизнь станет еще хуже. В школе я — странноватый аутсайдер, но границ никто не переходит, и мне не надо ни с кем делиться своей историей. А если в уравнение добавить парня с такими данными, все будет смыто в канализацию. Любопытные начнут шептаться, а тетя накажет меня за это — ох, какой скандал разразится, если мои семейные тайны станут известны всему нашему городку, ведь тете тоже есть что скрывать.

Я притворяюсь, будто мне все равно, выставляю вперед бедро и говорю:

— Моему парню это не понравится.

Жду, появится ли намек на «вот дерьмо» или что-то еще, показывающее, что мне удалось от него отделаться, ну, хоть что-то...

Но красавчик даже не моргает, так что я пробую снова:

— Вы и вправду собираетесь сидеть тут весь день? — спрашиваю в пустоту, потому что он уже все сказал.

Ну что же, мне больше нечего добавить, и я отправляюсь в школу, изо всех сил стараясь не думать, как выгляжу со спины.

Закрыв за собой дверь, останавливаюсь, чтобы в первый раз глубоко вдохнуть с того самого момента, как я подошла к нему у нашего дома.

Ройс загнал меня в угол и попросил хранить тайну, хотя мы оба знаем, что правда все равно прорвется.

Ни минуты не сомневаюсь, что он намеренно задал этот вопрос, но он идиот, если думает, что годы, которые я провела у тетки, стирают тот факт, что я родилась там же, где и он. Преданность и доверие — да, у них все на этом держится, а ключом ко всему является семья. И я отлично знаю, что для них семья — это не кровные узы. Семья — это те, ради кого ты готов двигаться вперед, страдать, а иногда и умирать.

Так что я в курсе того, как устроен их мир.

Ройс Брейшо думает, что он хитер, проверяя меня без всяких проверок.

Он ошибается.

— Идите на занятия, мисс Бишоп.

Бросаю взгляд направо и отвечаю слабой улыбкой охраннику. А когда прохожу мимо него, он просит меня остановиться.

— Мисс Бишоп?

Я уже знаю, что он собирается сказать, и мои мышцы напрягаются.

— У меня мигрень, — говорю со страдальческим видом.

— Кажется, они у вас случаются все чаще, — печальное выражение его лица подтверждает: он не купился. — Ваша тетя сводила вас к доктору за справкой, как мы просили, об этих частых... мигренях?

Как же я люблю маленькие города — все знают, чей ты.

— Еще нет.

Голова у меня на самом деле раскалывается все чаще, но

я не собираюсь рассказывать об этом тетке — да и если бы сказала, хрена лысого она бы что-то предприняла. Эта женщина едва может на меня смотреть, а уж сорокапятиминутную поездку к доктору точно не выдержит.

Охранник Джордж натянуто улыбается. Я знаю, он хороший человек.

— Ладно. Но у нас в школе действует дресс-код, мисс Бишоп.

— Конечно, конечно.

Снимаю очки, сую их в передний карман и хромаю по коридору так же тяжело, как и вздыхаю.

Еще один день в школе — это на один день ближе к выпуску.

Почему мне становится все сложнее и сложнее об этом помнить?

Глава 3

Ройс

Откусываю буррито и наконец поднимаю взгляд на Мака, который все это время ждет моего внимания — и не упускает своего шанса.

— Буррито холодный? — дразнит он с набитым ртом.

Я смеюсь.

— Отвали. Эта штука — то что надо, даже в девять утра. Спрашивай, что хочешь спросить, придурок.

Широко улыбаясь, он принимается за картошку фри.

— Что такого натворил Бас Бишоп, если ты решил проделывать немаленький путь и навестить его сестренку?

— Этот ублюдок забыл свое место и пересек черту. — Я пожимаю плечами. — Мы наняли Баса, чтобы он строил по струнке засранцев из школы, приводил перспективных ребят на склады для участия в поединках и организовывал ставки. Он не имел права вмешиваться во все остальные семейные дела Брейшо.

— В смысле, в то, что касается Рэйвен? — спрашивает Мак. Рэйвен... Единственный человек, ради которого я отдал бы что угодно, если б она попросила, жена моего брата и последняя из *настоящих* Брейшо, Брейшо по крови. Все знают, что мы с братьями были усыновлены правящей семьей нашего города еще во младенчестве. Мой отец и отец Кэптена незадолго до этого погибли, остался только отец Мэддока. Рэйвен оказалась большим куском пазла, и мы об этом даже не подозревали.

Я киваю.

— Когда в общаге появилась Рэйвен, мы знали о ней столько же, сколько и обо всех остальных, — почти ничего, но этого было достаточно. Она еще не была частью нашей семьи, и нам было плевать на ее дружбу с Бишопом, но, когда все изменилось, мы велели ему держаться подальше. А этот мудака не послушался. Он привел ее драться на склады, помог ей сбежать от нас, а когда она решила, что обязана нас защитить, позволил ей ввязаться в проблемы и опять же ничего нам не сказал. Мы могли ее потерять... Если бы это случилось, Бас ответил бы головой.

— Такому парню, как он, было чем рисковать, — смягчает разговор Мак. — Он пришел с пустыми руками, не имел ничего и заработал все под вашим именем.

Я понимаю, что он пытается сказать.

Бас Бишоп показал свою преданность Рэйвен, как, собственно, и нам, и за это я должен бы его уважать. За то, что он помог одной из нас, когда ей было хреново, за то, что прикрыл ее спину, когда нас не было рядом, — прикрыл без лишних вопросов.

Но я не могу.

По правде говоря, я не то чтобы ненавижу этого придурка. Не стану врать, что считаю, будто он не смог бы защитить жену моего брата, — смог бы, и доказал это. Но это было не его дело, а мое.

Мэддок тогда облажался, Кэпа вывели из строя, и остался только я.

Но снова вмешался Бас, взбесил меня, и теперь я хочу его взбесить. А что может быть лучше, чем поиграть с его сестренкой, которая, как он думает, вне досягаемости?

Вне досягаемости — но не для меня.

Я проявляю сволочизм? Не знаю, да мне и по хрен.

Сестра за сестру — для меня в этом есть смысл.

Может, это и безумие, может, я безумен, но я никогда и не претендовал на роль здравомыслящего — это у нас Кэптен такой.

Мэддок — злой альфа-самец, а я — псих.

Бомба с часовым механизмом.

Непредсказуемый, и по всеобщему признанию — безбашенный.

На многие вещи я смотрю немного иначе — сквозь дымку ярости, и да, я чемпион по затаенной злобе.

Хотелось бы, чтобы кто-нибудь пришел и рассказал мне, какого хрена я должен уважать парня, который рискует собой вот так ради девчонки, едва ему знакомой, но при этом, не задумываясь, забивает на собственную сестру?

Я отлично знаю, что кровь не имеет значения, ведь у нас с братьями нет общей крови, но Бас любит сестру. Ведь поэтому он и отправил ее сюда, чтобы защитить от волков, разве нет? От тьмы, в которую, как он сказал, она погрузится и которая, как он заявил, не для нее?

Этому тупице даже не хватило яиц сказать ей прямо, что это *он* сделал такой выбор. Что это он решил — так будет лучше для нее.

Да пошел он.

Бас хочет вступить в мою семью, влезть туда, где его не хотят видеть. Туше, мудака.

Считай, что я влез в твою семью.

Бриэль узнает меня, и узнает чертовски хорошо.

— Мы же не будем ждать тут на улице весь день, так ведь? — ухмыляется Мак.

— Нет, чувак. — Скольжу взглядом по двойным красным дверям, за которыми скрылась Бриэль. — Не будем.

Бриэль

С бутылкой воды в руке выхожу вслед за потоком учеников на школьный двор, и пару мгновений спустя мои ноги застывают, будто увязнув в цементе.

Можно ли видеть ночной кошмар днем... когда не спишь? И еще один вопрос: это что — День сурка?

Открывшаяся передо мной картина кричит: да, можно. И да — он снова тут.

В центре баскетбольной площадки стоит Ройс Брейшо, собственной персоной. Широко расставив ноги, с легкостью перекидывает мяч. Бицепсы играют, голова слегка отклонена назад и набок — дерзко и самоуверенно.

Неоспоримый альфа-самец.

Прослеживаю за его взглядом — слева от кольца вижу пять парней. На лицах у них написаны самые разные вопросы. Внутри у меня все сжимается.

Эти парни пришли сюда не просто так мячик побросать. Это — ведущая пятерка школьной команды, и Ройс, похоже, вклинился прямо в разгар игры. Выскочил на площадку, отнял мяч, и они явно этому не рады.

Я снова перевожу взгляд на Ройса.

Если так рассудить, он вышел на площадку подразнить парней, которые понятия не имеют, кто он такой, где никому не ведомо о последствиях одного лишь косога взгляда на Брейшо, не говоря уж о том, чтобы перейти кому-то из них дорогу. Но наши школьные парни тоже не промах, и все же Ройс не показывает ни намека на беспокойство.

Надеваю солнечные очки, так как толпа подталкивает меня ближе. По воняющему навозом воздуху разносится шепот. Со всех сторон: «Кто это?», «Он новенький?», «Смотрите, какие татуировки».

— Черт, до чего же он горяч, — произносит девушка рядом со мной, толкая локтем подружку. — Смотри, какие губы.

Я тоже в курсе, о'кей?

Волк в теле бога.

Бог, по его собственному мнению.

А по-моему — аномалия.

Какой же это, наверное, отстой, быть таким вот загадочным и притягательным. Но, поговорив с ним, я знаю, что в нем и правда есть что-то. Такой, как он, не способен затеряться в толпе. Подобно Полярной звезде в темном ночном небе, он горит слишком ярко, чтобы его не заметить.

Полагаю, что это изматывает. Вот я, например, могу смешаться с толпой, а он — нет. Ладно, буду критичной к себе — я могу смешаться только с худшими, с серой массой, ведь красивые и разбитные все равно будут заметны.

Мой взгляд скользит по старому асфальтовому покрытию площадки. На другой стороне замечаю Мака, протискивающегося сквозь толпу. Он едва заметно приподнимает подбородок, и хотя Ройс даже не смотрит в ту сторону, не сомневаюсь, что он видит приятеля.

Ройс наклоняет голову, и парни напротив него клюют на приманку, наконец проснувшись.

— Отдай мяч, — требует Мика, парень, с которым я вместе хожу на английский последние несколько лет. Возможно, Мика единственный приличный человек во всей школе. Хотя он и говорит со мной, только когда это необходимо на уроке, у меня есть ощущение, что он не так уж и плох под всей этой своей броней.

Мика делает шаг вперед, подавая пример другим парням.

Сердце грохочет у меня в груди, когда я бросаю взгляд на Ройса, и то, что я вижу, заставляет его колотиться еще быстрее.

Ройс ничем не выдает ни единого признака осознания перемены на площадке, хотя все мы здесь являемся свидетелями тому, что Мика сделал первый шаг.

В смысле, первый после того, как Ройс перехватил у них мяч, чем вопиюще унизил хозяев площадки.

Он даже не моргает в ответ на их приближение — продолжает стоять в нахальной позе, совершенно невозмутимый, в то время как на него надвигаются местные качки.

Бросаю быстрый взгляд на Мака, который, кажется, нашел меня в толпе, и красноречиво, как мне кажется, показываю глазами на Ройса.

Ты собираешься ему помочь или как?

Чертов парень улыбается, скрещивает руки на груди и смотрит на возмутителя спокойствия, у которого, очевидно, вообще нет чувства самосохранения.

Ройс вдруг перестает перекидывать мяч из руки в руку и теперь вертит его между указательными пальцами, затем обхватывает мяч ладонями и широко расставляет локти в стороны.

— Подойди и возьми, красавчик, — бросает он вызов Мике. — Я даже буду с тобой помягче.

— Иди на хрен, — парень рядом с Микой плюет на асфальт. — Мы чемпионы округа.

— Круто, — усмехается Ройс, но они не понимают насмешки.

Они не знают, что «Волки Брейшо» удерживают первенство на чемпионатах *штата*. На самом-то деле они, может, и в курсе, вот только они не знают, что один из «волков» стоит перед ними.

Губы Ройса медленно расплываются в усмешке, потом он слегка наклоняется вперед и перебрасывает мяч справа налево. Так, понятно, он приглашает их поиграть.

Парни занимают позиции, и Ройс кивает. Ведя мяч, он бросается вперед, делает обманное движение, подпрыгивает, с легкостью забрасывает мяч в корзину и издает короткий смешок.

Один из парней ловит мяч и оглядывается на Мику — тот стоит, сжав кулаки и нахмутив брови.

Ройс Брейшо, черт его дери, так и лезет на рожон:

— Ну, кто первый забросит трехочковый?

Поначалу кажется, Мика не собирается в этом участвовать, но потом он бросает взгляд на своего приятеля, и тот пасует ему мяч.

— Один на один? — кричит Мика.

— Видишь, как быстро все разворачивается? — улыбается Ройс. — Я забил тебе и твоей пятерке слабаков на вашей территории, так что факел у меня в руке.

— Следи за словами, придурок. Мы тебе фору дали.

Ройс смеется, а я задерживаю дыхание. Шепотки вокруг становятся все громче и громче. Чужаки тоже их слышат. Мак скользит вперед, но Ройс едва заметно дергает подбородком, и «шкафчик» останавливается — его нога застывает у края белой линии, что обводит площадку. Предусмотрительно, думаю я, он достаточно близко, чтобы при необходимости быстро принять меры, но не так близко, чтобы выдать свое присутствие.

Как раз в этот момент из толпы выходит он — Фрэнки Бриггс, чемпион в двух видах спорта, сын начальника полиции и худший из всех людей. Фрэнки парень моей кухни, но он и меня не прочь ущипнуть за задницу.

Ройс, словно почувствовав что-то, оглядывается через плечо.

Мика издает смешок, готовясь к тому, что выскочка-чужак сейчас съежится от страха и даст деру при виде бугая ростом шесть футов и два дюйма. Фрэнки Бриггс — звезда нашей школы. Но они не знают, что перед ним стоит король старшей школы Брейшо, мастер находить себе проблемы, но и решать их. У одного шесть футов и два дюйма, у второго шесть футов и один дюйм, но они не на равных — Ройс возвышается над всеми, как гора.

К сожалению, Фрэнки не замечает беззаботности Ройса. Наша местная звезда останавливается в нескольких футах позади чужака и хлопает в ладоши. Мика усмехается и подбрасывает мяч, намереваясь перекинуть его по красивой дуге над головой Ройса прямиком в руки Фрэнки, но Ройс подпрыгивает с легкостью профи и перехватывает мяч в воздухе.

Мяч снова летит. И в ту же секунду, как Ройс бросает его, я понимаю, куда именно, и пытаюсь нырнуть в толпу. Но мне это не удается — толпа слишком плотная, и, пару-тройку раз подпрыгнув, мяч подкатывается к моим ногам.

Если Ройс и успел заметить меня раньше, то не подал виду, а теперь он точно меня видит. Как и Фрэнки.

Вот отстой.

Красавчик Брейшо поворачивается ко мне, и на губах у него играет лукавая усмешка.

— Эй, подкинь мне мяч, малышка.

По шее волной поднимается жар, мне ужасно хочется двинуть ему кулаком, но, чтобы избежать еще больших неприятностей, я наклоняюсь за мячом. И конечно же, прежде чем успеваю его схватить, Фрэнки пинает мяч в сторону.

Звезда делает шаг ко мне, полностью загораживая от Ройса, и злобно смотрит с высоты своего роста.

— *Малышка?* — с отвращением шипит он. — Что за отребье привела с собой эта *шавка?*

— А что ты так возбудился?

Как только эти слова слетают с моих губ, я почти жалею, что не могу взять их назад.

Почти.

Взгляд Фрэнки еще больше ожесточается, но я не собираюсь стоять тут и наблюдать, как он изображает из себя гиппопотама, готового меня растоптать. Ничего у него не выйдет, он знает, и именно поэтому бесится. Ни одного шанса, но он все равно не перестает загонять меня в угол, когда мы оказываемся наедине и нас никто не видит.

Я поворачиваюсь, готовая свинтить отсюда, но Фрэнки хватается меня за руку и тянет к себе. Дергаюсь назад, готовясь пнуть его по яйцам, но меня опережают — колени звезды с громким хрустом ударяются о землю.

— Какого хрена! — вопит он, низко рыча.

Все вокруг охают, толпа становится еще больше.

Фрэнки вскидывает голову, и в ту же секунду крепкие руки обхватывают меня за талию и мягко оттягивают назад.

— Эй, что...

— Моли бога, девочка, чтобы все обошлось, — шепчет мне кто-то в ухо, и, оглянувшись, я вижу Мака, но он не смотрит на меня — его взгляд устремлен на Ройса, на лбу образуются напряженные складки.

Я тоже смотрю на Ройса и, когда наши с ним взгляды встречаются, набираю полные легкие воздуха.

Глаза у него черные, как зимняя ночь. Холодные и бесстрастные, без тени жизни в них.

Чудовище в свете дня.

Вот это и есть тот Ройс Брейшо, о котором мне говорили.

Тот, кто способен измениться в мгновение ока.

Нахального плейбоя больше нет — вот-вот разразится что-то ужасное, и это что-то уже не остановить.

Ройс позволяет Фрэнки встать и даже отодвигается, чтобы освободить для него место. Это он зря — наша звезда перегруппировывается, и Ройс принимает удар прямо в челюсть.

Он не пошатнулся, но голова слегка дергается.

Фрэнки хохочет, готовый снова атаковать, но я слышу мрачный смешок Ройса, и они оба слегка наклоняются.

Ройс сплевывает кровь из уголка рта, а потом разворачивается всем телом, и его правая рука замахивается с такой скоростью, что к удару просто невозможно подготовиться.

Кулак прилетает прямо в висок Фрэнки.

Фрэнки отшатывается, но быстро приходит в себя и начинает наступать.

Ройс уворачивается от ударов, словно хорошо натренированный боксер, и в какой-то момент, выпрямившись, поднимает Фрэнки (двести тридцать фунтов, не меньше) и швыряет на землю.

Голова ударяется об асфальт с громким треском, всех, кто это видит, охватывает паника, а мои мышцы превращаются в камень.

У Фрэнки закатываются глаза, у меня начинает пульсировать в висках.

Несколько человек пытаются броситься вперед — то ли права покачать, то ли на помощь звезде, но один взгляд Ройса — и они застывают на месте.

Ройс совершенно спокоен. Поднимает большой палец и прикладывает к разбитой губе, взгляд его снова прикован ко мне. Саданув Фрэнки ботинком по ребрам, он спрашивает:

— Это твой парень?

Его резкий тон словно перекручен лентой с надписью «Только попробуй мне солгать» — эту ленту, точнее, веревку, он накинёт мне на шею и задушит, если я хотя бы попытаюсь.

Кручу головой — «нет», не сводя глаз с вены у него на шее, пульсирующей под бронзовой кожей, вижу дразнящую татуировку, и с каждым ударом его пульса мой собственный тоже ускоряется.

От страха? Нет.

Братец постоянно напоминает мне, что я должна бояться всех, кто носит имя Брейшо, но, глядя в темные глаза одного из них, я не испытываю никакого страха.

Даже намек на него.

По правде говоря, я чувствую противоположное, и стук у меня в висках как будто сходит на нет.

Это делает меня душой?

Мои мышцы расслабляются, и хватка Мака на мне тоже.

Снова кручу головой, говоря «нет», и на этот раз уже увереннее.

Фрэнки подает признаки жизни.

— Парень Бриэль? — с издевкой произносит он — намеренно громко, чтобы его услышали все. — Да ты, должно быть, с луны свалился. Никто и не подумает дотронуться до этой шавки.

Он начинает подниматься, но мощная рука Ройса опускается ему на плечо, и Фрэнки снова падает.

Головы поворачиваются от Ройса ко мне и обратно, и я догадываюсь, какой вопрос вертится у этих придурков на уме.

Как я, убогая, всеми презираемая, могу быть знакома с *ним*, богом во плоти?

Ройс не обращает на любопытные взгляды никакого внимания. Он изучает меня, размышляя о моем ответе и о том, что сказал Фрэнки. И ему как-то удается найти во всем этом правду. Причем не только мою правду, но и правду Фрэнки тоже.

А она такова: у меня нет парня, но Фрэнки хочет от меня того, что мог бы получить парень. Он намерен добиться сво-

его. И при этом мы оба знаем, что я никогда не дам ему то, чего он хочет, — то, что он получает от Сиары. Печально, но факт.

Ройс коленом ударяет в позвоночник Фрэнки, и тот хрипит. Потом красавчик с беззаботным видом обходит нашу местную звезду, которую только что спустил с небосклона, выставив полным идиотом. А чего ему волноваться — друг подстрахует, если что.

Он останавливается прямо передо мной и пронизывает меня взглядом, кричащим «поиграй со мной», но я не настолько глупа, чтобы обольщаться. Я точно знаю — Ройс тут не задержится, и вскоре мне придется ответить за все это перед Фрэнки, пока что лежащим на земле.

Видимо, я стою неподвижно слишком долго. Мак стоит позади меня

Ройс просовывает пальцы левой руки под мой ремень, в то время как его правая рука поднимается к моей шее.

Я понятия не имею, почему позволяю ему все это делать.

Не бью его под дых, не втыкаю палец между ребер... ничего.

Я ничего не делаю.

А еще я не дышу — я просто кусок дерьма в его игре на унижение.

— Все верно, чувак. Я с луны свалился, — передразнивает он Фрэнки, слегка наклоняя голову и не сводя с меня глаз. — Но это ненадолго, я освоюсь, верно, малышка?

Он проводит костяшками пальцев по моей ключице — и я сбрасываю оцепенение.

Отклоняюсь от него так далеко, как это возможно, и он хмурится, стиснув зубы.

Прежде чем он успевает сделать еще что-то, откуда-то справа от меня доносится раздраженный голос.

— Серьезно?!

Проклятие...

Из моей груди вырывается тяжелый вздох.

Сиара... Расталкивая толпу, она пробивается в первые ряды.

Когда она видит Фрэнки, у нее отвисает челюсть. Полагая, что это как-то связано с бурным началом дня, сестрица оглядывается вокруг, пока не находит взглядом меня.

Она проталкивается ко мне, и с каждым ее шагом Ройс тоже делает шаг, но не навстречу ей. Он сдвигается в сторону, прикрывая меня своим телом, словно громила-охранник, защищающий своего маленького слабого босса. Но мне защита не нужна, я выступаю вперед и оказываюсь прямо перед Сиарой.

— Какого черта, Бриэль? — кричит она, злобно уставившись на Ройса, а тот усмехается, глядя на наконец-то поднявшегося Фрэнки.

— Ты что, привела его сюда, чтобы повыделываться?

— Ага, это же так в моем стиле.

— Дура ненормальная!

— Сиара, остынь...

— Ага, остыну. Скажи своему *дружку*, чтоб убирался отсюда! — кричит она.

— Сама скажи, ты ведь знаешь его лучше меня, верно?

Сиара прищуривается, потом пихает меня в грудь.

— Ты у меня получишь, Бриэль.

— Отвали, — спокойно произношу я.

— А если не отвалю, что ты сделаешь? — с издевкой произносит она.

Я молчу, и в глазах у нее появляется слабый блеск удовлетворения. Сестрица знает, что я на коротком поводке — на том, который я сама прицепила к своему ошейнику, потому что у меня не было выхода.

Она глумливо смеется, потом срывает с моего лица очки и бросает на землю.

Я ударяю ее в ответ. У Сиары округляются глаза — она этого не ожидала.

Прежде чем она успевает снова до меня дотянуться, Мак хватается ее за запястье.

Все вокруг оторопело тарашатся на нас — никогда прежде они такого не видели. Я почти слышу произнесенные охи и ахи: *маленькая Бриэль выбралась из своей скорлупы?*

Сиара вся красная от досады, но одного пристального взгляда на меня, на мои опухшие глаза оказывается достаточно, чтобы она почувствовала себя победительницей.

— Ты себя в зеркале видела? — Она притворно надувает губы. — У тебя глаза, как у кролика. Что, опять рыдала перед сном, да? — Сестрица ухмыляется, изо всех сил стараясь выставить меня слабой и никчемной, хотя знает: я не поведу на ее дурацкие издевки.

Она также знает, что я не стану давать отпор, позволив окружающим поверить в то, во что они хотят верить.

Стерва.

Наклоняюсь, чтобы поднять очки, но обнаруживаю, что они в руках у Мики — он протягивает их мне. Мои губы дергаются, произнося «спасибо».

Пожимаю плечами и, глядя на Сиару, заставляю себя опуститься до ее уровня, хоть это и весьма фиговое место.

— Тебе-то откуда знать, рыдала я или нет, ты ведь прошлую ночь провела в постели с Грегом.

По школьному двору раскатывается тихий смех, а у Сиары глаза округляются. Чувствую себя подлой, но мне нужно, чтобы это прекратилось.

Фрэнки на долю секунду встречается со мной взглядом, прежде чем отвести глаза в сторону.

— Пошли, — говорит он, не обращая ни к кому, но в то же время ко всем, кто готов откликнуться.

Сиара качает головой и пытается выдернуть руку из хватки Мака. Когда он понимает, что она всего-навсего пытается уйти, он ее отпускает.

Кузина толкает Фрэнки в грудь, и, к счастью, раздается звонок, заканчивая этот кошмар.

Толпа начинает рассасываться, все еще глядя на нас, главных участников кошмара, чтобы не пропустить ничего интересного, но я не собираюсь продлевать спектакль. Разворачиваюсь и удираю так быстро, как позволяет моя ноющая лодыжка.

Мне удастся преодолеть целых три фута, прежде чем рядом со мной возникает Ройс.

— Охрана школы или директор появятся тут в любую секунду, — говорю я. — Даже и не знаю, как им удалось не вмешаться.

— Да похрен.

Он перегораживает мне дорогу, и я останавливаюсь.

— Тебе легко говорить, ты здесь не учишься.

Отворачиваю голову, но он хватает меня за подбородок и всматривается в мое лицо. Представляю, что он видит...

Ройс изучает меня несколько долгих, нервирующих мгновений, потом моргает, и его губы медленно растягиваются в улыбке.

— Я ставил на карие.

Несмотря на легкое смущение (и сильное раздражение), у меня вырывается тихий смешок. Снова надеваю очки, но он быстро поднимает их мне на лоб.

— Ага, ну, — игриво закатываю глаза. — У меня неплохо получается разочаровывать людей.

— А кто сказал, что я разочарован?

Скрещиваю руки на груди, пытаюсь побороть улыбку, и качаю головой.

— Ты не думаешь, что вам с Маком уже пора свалить отсюда, или пока еще недостаточно проблем, чтобы накормить твою мятежную душу?

— Малышка, — он придвигается ближе. — Ты ничего не знаешь о моей душе, и, если ты называешь это проблемами, мирок, в котором ты живешь, должно быть, так же жалок, как и выглядит.

— А что тебя здесь держит? — Я слегка пожимаю плечами. — Возвращайся в свой.

Ройс молча смотрит на меня, и в его темных глазах плещется вопрос — тот, что он отказывается задать.

— Серьезно, вам пора уходить, хотя бы с территории школы, — добавляю я.

— Подгоняешь, маленькая Бишоп? — усмехается он. — Я не фанат быстрых встреч, учти.

— Если девушки, с которыми ты проводишь время, считают твои остроты милыми или хотя бы немного притягательными, мне тебя жаль, — хмурюсь я.

— Да? И почему же?

— Это значит, что ты и понятия не имеешь о настоящих усилиях, — какая досада. Как по мне, человек, у которого в распоряжении весь мир, должен представлять собой нечто большее, чем мешок с шутками и тяжелыми кулаками.

Он пронизывает меня напряженным взглядом, словно пытается заглянуть мне в мозги, но, что еще хуже, он как будто и вправду может сделать это. Будто он понимает все то, что мне не хотелось бы высвечивать

То, о чем я не говорю, чем не делюсь.

Не то чтобы перед мной выстраивалась очередь людей, желающих узнать о моем внутреннем мире, но...

Не то чтобы я подпустила кого-то достаточно близко.

Ройс еще больше прищуривает глаза, и я делаю шаг, чтобы его обойти, но он не дает мне исчезнуть.

Качаю головой и тяжело вздыхаю.

— Мне нужно идти. У меня урок.

Зная цену — в буквальном смысле — моего опоздания, начинаю нервничать. Мне нужно бежать от него. И быстро.

Его взгляд теперь тяжел и расчетлив. Неотрывно глядя на меня, он достает из кармана скрученную пачку двадцаток и протягивает мне.

Перевожу взгляд с бабок на него.

— Это еще зачем?

Он хватая меня за руку, шлепком вкладывает деньги и шагает прочь.

— Ройс...

— Тебе это пригодится, — бросает он тоном, лишенным всяких эмоций, оглядываясь через плечо. — Иди к учительской. И поторопись — ради твоего же блага.

К учительской?

— Зачем?!

Ройс скрывается из виду, оставив мой вопрос без ответа.

Любопытство — единственная причина, по которой я разворачиваюсь и иду в школу, но только не туда, где у меня должен быть урок.

Ой, сегодня лучшим другом моей ноги был бы ибупрофен.

Вхожу в холл рядом с учительской и вижу Джорджа. Он то-ропливо подходит ко мне, и у меня опускаются плечи. Он что, решил добавить мне проблем?

— Джордж, я...

Я — что?

Что мне сказать нашему охраннику?

Что парень, который пробрался на территорию школы и повел себя, как Деймон Сальваторе¹, мне совершенно не знаком?

Но я даже не успеваю рта раскрыть — Джордж меня опережает.

— Мисс Бишоп, — его взгляд падает на деньги у меня в руке, он улыбается. — Это мне?

Опускаю глаза на пачку баксов.

— Эм-м...

Со стороны учительской раздается громкий *бу-бух*. Кто-то дубасит по металлической двери.

Джордж тянется к бабкам, я отдаю ему пачку, и он быстро сует ее в карман. Сняв с пояса ключи, сует один из них в замок учительской и улыбается во весь рот.

— Вам пора уходить отсюда, мисс Бишоп. Там у них что-то пошло не так, как планировалось, — он издаёт смешок.

Я киваю и отхожу за угол. Слышу щелканье замка, и из учительской один за другим начинают выходить преподаватели, возмущенно переговариваясь.

— Уф, уф. Какого черта, как же вы оказались заперты? — спрашивает Джордж, бросая на меня последний взгляд и подмигивая.

Что... это он их там запер? И поэтому никто из них не появился на площадке?

Быстро шагаю на урок, но чем ближе подхожу к двери класса, тем очевиднее для меня становится, что Ройс с самого начала позаботился о прикрытии — и не ради своей выгоды...

...а ради меня.

¹ Один из главных героев сериала «Дневники Вампира».

Позаботился странным, неадекватным способом, который, однако, позволил ему сделать все, что он задумал, привлечь внимание и разузнать обо мне и той реальности, в которой я существую.

Из груди поднимается смех.

Хороший, настоящий смех.

Не громкий, не булькающий, а тот, что добавляет немного света изнутри.

Вероятно, мне следует бояться этого ощущения невесомости, которое уже так долго меня не отпускает, но вместо этого я цепляюсь за него.

Потому что, хоть солнце и луна поочередно освещают наш мир, *чувствовать* этот свет — большая редкость, и нельзя позволять кому-то это отнять.

Потому что это чувство исходит изнутри, а не снаружи.

Глава 4

Ройс

Голубые.

Нет, не голубые, сине-зеленые.

Черт, не сине-зеленые..

Оттенок немного глубже, смесь того и другого, но яркий и чистый, с ледяным центром.

Бирюзовые.

Но почему ее глаза опухшие и почему ее сестра-стерва так на нее налетела?

А крошка-то... Казалась терпилой-размазней, но в итоге *размазала* по стенке свою ушлую кухню.

Не ожидал такого от нее.

— У тебя там все нормально? — Я скидываю голову и смотрю на Мака, он хохочет: — Замечтался?

— Чувак, иди на хрен.

Мак смеется еще громче, качая головой.

— Ну правда, что случилось?

Молча смотрю прямо перед собой. Я не обсуждаю такое дерьмо ни с кем, кроме моих братьев или Рэйвен, но их сейчас здесь нет, так что не пофиг ли?

— Телка, что тут объявилась, — говорю я, — это ее кузина. Заметил, что она в сто раз больше похожа на Бишопа? Такая же бледная, как этот мудака, с темными волосами и с такими же большими проблемами.

— Заметил.

Он поворачивается ко мне всем телом, собираясь слушать дальше.

— За пару дней до того, как Бас появился в нашей общаге, Бриэль отправили сюда — это означало, что она больше не является частью нашего мира. Недельку спустя Бас пришел и спросил про ее досье, предложив отработать бесплатно два года на нас, если мы отдадим ему файл и позволим этот файл уничтожить.

— Умно, — кивает Мак. — Вывез ее, подождал, а потом попросил, зная, что вам, в сущности, уже все равно.

Я киваю.

— Вот именно. Нам и было все равно. Мы считали, что уже сделали то, что от нас требовалось. Девчонка получила лучшую жизнь, чем у нее была прежде, так что мы дали ему то, что он хотел. Мы даже заужавали мудака за преданность сестре, готовность довольствоваться малым, если, по его мнению, так будет лучше для нее, защищать ее, держать подальше от нас и что там еще.

— И вы все равно платили парню, потому что хотели, чтобы он пробился наверх, — говорит Мак.

Именно.

Мак сечет все с полуслова, поэтому у него есть шансы в мире Брейшо. Я выкладываю все, потому что скоро он займет среди нас важное место, хотя пока что об этом не знает.

— Касательно наших файлов, — говорю я. — У них нет копий. Они попадают к нам прямо с серверов округа и оттуда удаляются в ту же секунду. Там все. Записи врачей, полицей-

ские отчеты, школьные косяки... Пуф — и всего этого дерьма нет, будто никогда и не было.

Он изучающе смотрит на меня, потом опускает глаза.

— Насколько я понимаю, когда к вам, парням, попали до-сье Бишопов, вы были девятиклассниками, и вы руководствовались словами вашего отца, едва заглянув в файлы. А если точнее, вы их не читали.

Я киваю.

— Мы посмотрели только один отчет — обвинение в умышленном нанесении телесных повреждений, выдвинутое против Баса, — чтобы понять, насколько он хорош в этом деле.

— И ты приехал сюда, понятия не имея, кто эта девчонка и чем она живет.

— У меня не было ничего, кроме имени и адреса, и эта инфа стоила мне чертову кучу бабок. Так что когда я приехал сюда, увидел кузину, которая похожа на Баса как две капли воды, я сказал себе: «Это она, дело сделано, мать вашу»... — Подавляю вздох. — Я повелся, чувак. Выглядел лохом, пока кузина ее не сдала.

— Не-е, чувак, — качает головой Мак. — Ты бы все равно разобрался.

Возможно.

Как-то не по-нашему вот так делать выводы без доказательств. Братя надрали бы мне задницу.

Или попытались бы.

Рэйвен *определенно* надрала бы, а потом, наверное, надрала бы задницу и Бриэль, за то что пыталась меня обдурить. Если бы Рэйвен не была беременна...

А может, и беременная бы надрала.

На моих губах на мгновение появляется улыбка, но даже мысли о семье не стирают дерьмо, что плещется у меня в голове.

Мак это видит.

— Это не то, что взрывает тебе мозг. Выкладывай, чувак.

Да уж, он знает меня. Облизываю губы, уставившись в окно.

— Бас попросил нас отправить ее сюда, потому что, как он сказал, так будет лучше для нее. Мол, семья здесь любит ее.

Хочет, чтобы она была с ними. Что здесь у нее будет настоящая жизнь. Будущее, которое можно построить. — Я поворачиваюсь к Маку. — Ну, какие у тебя ощущения — все так и есть?

Как я и думал, Мак качает головой — «нет».

Когда я решил отправиться сюда, моей единственной ясной мыслью было приехать и поиграть с сестренкой мудака, что меня выбесил, подразнить ее, чуток испытать. После этого я бы уехал с пикантной историей, которой поделился бы с этим придурком Бишопом при нашей следующей встрече.

Но то, что должно было стать нашим грязным «встретились и познакомились», превратилось в закрученное «схватил и побежал».

Мои инстинкты на взводе, они вопят: что-то тут не так.

Ее кухня и вся та хрень, которую она несет, школа...

Эта легкость, когда она в машине с незнакомыми парнями...

И пойди ее отыщи в этой школе.

— Ты остаешься, — Мак пронизывает меня взглядом, но это не вопрос, и ответ не нужен.

Я достаю из бардачка косяк и разваливаюсь на сиденье.

— Пить хочешь? — спрашивает Мак.

Улыбаюсь, приподнимая самокрутку.

— Скоро захочу.

Мак смеется, заводит машину, и мы уезжаем.

Я щелкаю зажигалкой, подношу к кончику косяка и пыхаю, пока он не разгорается. С моих губ стекает дым.

Бриэль Бишоп.

Крошка.

С характером.

Готовая к новым поворотам гребаной судьбы.

Бриэль

Стоит мне подумать, что кошмар подошел к концу, потому что в уши льется дивный звук звонка с последнего урока, как я вспоминаю, чем заканчиваются все прочитанные мною

книги, и от этого бегут мурашки по коже. Осознаю, что проблема не исчезла, а лишь затаилась в засаде, и подтверждение тому — этот плохой парень с татуировками, что стоит напротив меня, прислонившись спиной к машине, руки скрещены на груди.

Я тяжело вздыхаю и продолжаю ковылять вперед.

С каждым шагом я все ближе, и Ройс приподнимает подбородок.

Останавливаюсь в нескольких футах от него.

— Ты еще здесь.

— И ты чертовски этому рада.

Издаю тихий смешок и на мгновение отвожу глаза в сторону. Но мой взгляд тут же возвращается к нему, когда он опускает руки.

— Ты мне солгала, — говорит он и вслепую тянет руку за спину, чтобы открыть заднюю дверцу. — Так что теперь ты мне должна.

— Я не буду с тобой спать, — отказ слетает с моих губ без участия мозговых извилин.

Рука Ройса застывает на дверной ручке. Сбросив с себя оцепенение, он идет прямо на меня, источая уверенность.

— Это вызов?

Я подавляю смешок, качаю головой и отступаю чуть назад.

— Точно нет, но об этом определенно стоило упомянуть.

Несколько мгновений он пристально смотрит на меня.

— Садись в машину, малышка Бишоп.

— А что, если не сяду?

Он коротко, с издевкой смеется.

— Смешно. Ты смешная.

Дистанция, которую я создала, слишком мала. Он стирает ее, нависая надо мной с предостерегающим взглядом.

— То, что я тебе предложил сесть, уже вежливость с моей стороны...

— Предложил? Приказ — это, в твоём понимании, вежливость? Продолжай.

Его лицо ожесточается, в глазах вспыхивает что-то еще — молчаливый вопрос, которым он не собирается делиться, но тем не менее жаждет получить ответ.

— Можешь отказываться сколько угодно, всезнайка, но знай, что твоя задница в любом случае окажется в этой машине. *Либо ты сядешь сама, либо я тебя подниму и засуну туда*, но, возможно, тебе захочется этого избежать, ведь на нас смотрят дружки твоего парня.

Я напрягаюсь, но не оглядываюсь и честно отвечаю:

— Мне на них плевать.

— Хорошо, — он вздергивает голову. — Как и мне. А теперь садись.

— А ты всегда такой начальник?

— Да.

Пошаркивая ногой, обдумываю то, что он сказал мне раньше.

— Что ты имел в виду, говоря, что я тебе должна? Должна что?

— Две правды за каждую ложь.

— Так я просто совру снова.

— Не-а, — он смахивает мои волосы со лба и смотрит мне прямо в глаза. — Не соврешь.

У меня внутри просыпается беспокойство.

— Ты меня не знаешь.

— Уверена?

Уверена ли я?

Может, он и есть тот человек, который парковался в конце моей улицы, следя за мной последние пару недель? Брат как-то говорил, что они единственные, кто вроде бы знает, где я оказалась. Но я сомневаюсь, что он это подтвердит, если я спрошу.

Слегка поджимаю губы, обдумывая, что делать, но в конце концов закатываю глаза, обхожу его и сажусь в чертову машину.

И, удивительное дело, Ройс садится рядом со мной.

Ни он, ни Мак особо ничего не говорят по дороге, так что я тоже сижу молча, пока не понимаю, что мы подъехали к одному из отелей нашего города.

Мои мышцы напрягаются, и я вжимаю ладони в потрепанные сиденья.

— Ну нет уж. Я не собираюсь заходить туда с вами двумя.

Они оба ржут, но ничего не отвечают. Потом выходят и встают позади машины.

Я начинаю потеть.

Они планируют прикончить меня?

Договариваются, куда деть мое тело?

Отвезут мое тело в свой город, куда никто не посмеет явиться с поисками?

Напряжение нарастает, потому что я пытаюсь читать по губам, но у меня не получается. Что бы там ни было, это может быстро превратиться для меня во что-то плохое, если я не буду сохранять спокойствие. Но потом Мак отдает Ройсу ключи, а сам идет к другой маленькой машине, припаркованной впереди драндулета, в котором я сижу. Это помогает мне немного успокоиться.

Мак открывает водительскую дверь, и я решаю, что могу безопасно выйти из машины и подслушать их разговор.

— Разузнай, что там у нас в школе происходит, — говорит Ройс, бросая на меня быстрый взгляд. — Никого из нас там не будет, пока братья на секс-каникулах, а я тут торчу.

Мак кивает.

— Как только приеду, сразу туда. Узнаю новости и сообщу в течение дня.

— Спасибо, чувак. Давай уже, тебя девчонка твоя заждалась. Лицо Мака расплывается в улыбке.

— К тому времени, как я приеду, она как раз проснется.

— Ей не засаживали уже несколько дней, — подмигивает ему Ройс. — Так что я верю в тебя.

Мак смеется, и они с Ройсом стучаются кулаками.

— Пока-пока. — «Шкафчик» приподнимает подбородок и с усмешкой салютует. — Будь здорова, Бишоп.

Я поджимаю губы, вяло машу ему в ответ, и мы с Ройсом вместе провожаем взглядом машину.

Обернувшись, обнаруживаю, что Ройс смотрит на меня.

Изучает.

Оценивает.

С любопытством?

Он отводит взгляд и садится на водительское место, а я иду к пассажирскому впереди.

Через несколько минут мы подъезжаем к заправке. Он отстегивает ремень и выходит, я выхожу вместе с ним. В магазинчике он следует за мной по пятам. Когда я открываю стеклянную дверь холодильника с напитками, его грудь упирается мне в спину, а пряжка ремня касается моей поясицы. Мне приходится поднять руку и схватиться за пластиковую полку, чтобы не упасть на стеллаж. Ох и ничего себе — спереди из холодильника на меня дует прохладный воздух, а затылок обжигает жаркое дыхание.

Изгибаю шею, чтобы встретиться с ним взглядом.

— Ты пытаешься соблазнить меня в мини-маркете, где пахнет мокрыми тряпками?

— Да ладно тебе, Бишоп, ты же умнее, чем кажешься. — Он с коварной усмешкой наклоняется к моему уху. — Если бы я хотел тебя соблазнить, то ты бы уже была в моем номере в отеле.

Прежде чем я успеваю моргнуть, Ройс испаряется, но, готова поспорить, он слышит мой смех, куда бы ни сбежал.

Ну-ну, похоже, его уровень и вправду — девчонки, что спят только со спортсменами.

Это уже излишне, но, будто глоток свежего воздуха, немного расслабляет.

Покачав головой, я беру напиток, обхожу магазин в поисках перекуса, а потом направляюсь к кассе.

Стоит мне свернуть за угол, как натыкаюсь на Ройса, и мы оба жуем то, что выбрали — пончики с шоколадной глазурью и посыпкой.

Он прищуривается, опуская взгляд на «Йу-Ху»¹ в моей левой руке, и я замечаю такой же у него под мышкой.

¹ Шоколадный напиток.

— Обязательно брать ту же хрень, что и я, — отчитывает он меня, как ребенка. — Я куплю тебе то, что хочешь.

Я распахиваю глаза.

— О, так это я скопировала *тебя*? Отличная попытка. Что, боишься показать свои предпочтения в еде?

Он испепеляет меня взглядом.

— Это и есть мои предпочтения в еде.

Пожимаю плечами и откусываю маленький кусочек шоколадной глазури, прежде чем она упадет, а потом ставлю банку на прилавок.

— Ну, и мои тоже, и прежде чем ты убедишь себя в обратном, знай, я в состоянии заплатить за трехдолларовый перекус.

Со взглядом, полным подозрения, Ройс опускает свою банку на прилавок, прикладывая больше силы, чем требуется. Игнорируя то, что я сказала об оплате, он бросает кассирше двадцатку и выходит.

В машине он молчит, и, прежде чем я успеваю понять, мы подъезжаем к дому моей тети. Ройс паркуется, хватается телефон и начинает тыкать в экран.

Замешкавшись, я наматываю ручку сумки на запястье и жду какого-то откровения, типа что и почему сегодня случилось, но он не отрывает взгляда от телефона, так что я выхожу и захлопываю за собой дверь.

Мои ноги едва успевают коснуться бордюра, как он отъезжает.

Не уверена, почему он вообще ждал меня после уроков и настоял на том, чтобы я с ним поехала, если в итоге просто молча привез меня сюда. Но разве это на самом деле важно?

Высоко подняв голову, иду во двор и бросаю сумку на траву.

У дальней стороны дома беру маленький ящик из-под молочной тары, вытаскиваю одеяло, уложенное в него, и переворачиваю ящик.

Позволяю себе на пять минут расслабиться, насладиться «Йу-Ху» и остатками пончика, а потом приступаю к работе: достаю учебники и начинаю делать домашнее задание. На самом деле у меня одно желание: чтобы солнце побыстрее село. Тогда я смогу забраться в постель и сколько угодно смотреть на звезды.

Глава 5

Ройс

Падаю на пружинистую кровать в так называемом люксе и приставляю телефон к Библии, которую нашел в шкафу. В ту же секунду, как мне удастся его зафиксировать, телефон звонит.

Улыбаюсь, отвечая на видеозвонок моей семьи.

Первым на экране возникает лицо Рэйвен. Ее черные волосы собраны на макушке, мешковатое худи закрывает все тело.

— Понибой! — улыбается она.

— Рэй-Рэй, я уже, черт, по тебе соскучился.

Она смеется и двигает ноут.

— Я тоже. Повиси-ка, мне нужно больше места.

Киваю, протягиваю руку, чтобы взять пакет с едой, и ставлю его перед собой.

Пару секунд спустя на диван опускается Кэптен, а Виктория устраивается на подлокотнике рядом с ним.

— Вик-Ви, — провожу пальцем по губе и дразню ее: — У тебя вот тут капелька засохшей спермы.

— Отвали, — смеется она, дотрагиваясь до губ. — Зоуи решила накормить меня своими макаронами.

— А где моя племяшка?

Кэп с улыбкой смотрит мимо камеры.

— Уже идет.

— Рэй-Рэй, куда ты делась? И где Мэддок?

— Я здесь! — Она снова появляется на экране — опускается на диван рядом с Кэптеном. — Мэддок несет газировку из домика у бассейна, потому что у твоего отца там то, что надо. Хрень, короче.

— Ты имеешь в виду, что Мэддок притащит бескофеиновое дерьмо в надежде, что ты начнешь его пить?

— Ага, — смеется она.

Я улыбаюсь.

— Дай мне посмотреть на моего малыша.

— Прекрати говорить «мой малыш», придурок! — доносится крик Мэддока.

Мы с Кэпом смеемся, наши взгляды прикованы к Рэйвен — она натягивает ткань худи, чтобы показать идеально круглый живот. Да, я видел Рэйвен совсем недавно, но не хочу ничего пропустить.

Тарашусь на ее живот.

— Как такое возможно, что у тебя там человечек, Рэй-Рэй?

Пару недель назад я получил запечатанный конверт — в нем результат УЗИ с заключением, какого пола малыш. Фишка в том, что Мэддок и Рэйвен этого не знают. Конверт мне передала Рэйвен, это подарок от нее, от них, и мне нечем им отплатить. Почему подарок? Рэй-Рэй хотела, чтобы у меня было то, за что бы я смог ухватиться, и это она здорово придумала. Теперь я ломаю голову, что подарить ребенку, когда он через положенный срок встретится с родителями и со всеми нами.

Рэйвен усмехается, но кто у нее там, не спрашивает. Вот кремень! Она садится поудобнее, откидывается на подушки, и рядом с ней наконец появляется Мэддок.

— Как дела? — Он приподнимает подбородок, уголок его рта дергается вверх, глаза сканируют каждый дюйм моего тела. — Черт, это все так странно.

Я киваю с едва заметной улыбкой.

Так и есть. Странно. Прошло всего ничего, как я уехал, но для нас это долгий срок. За исключением нескольких отстойных ситуаций в прошлом году, мы всегда вместе. С самого детства. Быть на расстоянии — это не для нас, у нас одна общая жизнь на всех. Мы как тройняшки, хотя и не родные по крови. Наша связь намного сильнее, чем у большинства других людей. Мы понимаем друг друга без слов, мы все на одной линии, ухо к уху, ноздря в ноздю. У каждого из нас свой характер, и все же мы едины. Мы — команда.

Я фыркаю, вспомнив, как нас назвала Бриэль — три мушкетера.

Наверно, так и есть, вот только наша троица выросла до пятерки.

И только я один остался без пары.

— Ройс, — успокаивающе произносит Рэйвен.

Поднимаю на нее взгляд, и у нее на лбу появляется обеспокоенная складка. Она наклоняется к экрану, хмурясь все сильнее.

— Ты в порядке?

— В полном порядке, а что?

Ну вот, опять уклоняюсь от ответа, как мудака.

— Ничего, — смеется Рэй-Рэй.

— Ты лучше расскажи, как там у вас? Как проходят ваши секс-каникулы, пока я практически в континенте от вас? Насколько я вижу, Рэй-Рэй, ты пока можешь сидеть и стоять, живот тебе не мешает, а значит, Здоровяк...

— Я тебя сейчас прибью, брат, — сердито перебивает меня Мэддок.

— Но я же так далеко, — улыбаюсь я.

Брат издает смешок, показывает мне средний палец и отпиивает воду из бутылки.

— У нас все отлично, Понибой, — снова вступает Рэйвен. — Каждое утро — доброе, каждый день — добрый, а уж ночи...

— Вот это я и хотел услышать.

Она смеется, переводит взгляд на Мэддока, а он тянет к кому-то руки, и я знаю, к кому.

Вот она, черт побери.

Туго стянутые светлые кудряшки, тонкие прядки вокруг лица и мегаваттная улыбка, направленная прямо на меня.

— Дядя Бро! — кричит наша принцесса, наклоняясь как можно ближе к экрану.

— Мишка Зоуи! Как же я по тебе соскучился!

— Я тоже по тебе соскучилась! — хихикает она. — Дядя Ди сказал, ты хочешь, чтобы я завтра посмотрела мультики с ним, потому что ты не приедешь.

— Дядя Ди тебя об...

— Ладно, — Кэп перебивает меня, взгляд у него сердитый, и я подавляю улыбку.

Мы, может, и отъявленные придурки, но стараемся научить Зоуи придерживаться наших правил, и одно из них — не врать друг другу. Неважно, насколько велика проблема, насколько отстойными видятся последствия правды — финтить нельзя.

Конечно, мультики — это мелочь, и контекст тут такой: мой брат пытается соревноваться со мной за место лучшего дяди, — но даже в мелочах нельзя обманывать. Я не говорил, чего хочу, а чего нет, тут Мэддок слукавил, но уличать его перед малышкой — этого делать нельзя.

Так что я киваю и улыбаюсь племяншке, а Мэддоку, когда Зоуи отворачивается, показываю средний палец.

— А что у вас сегодня на ужин? — спрашиваю я.

Все со смешками смотрят на Рэйвен.

Черт, как же мне хочется быть с ними. Но это мой выбор — приехать сюда без них, хотя они без вопросов запрыгнули бы в машину ко мне, если бы я попросил.

И все же мне не удастся отделаться от этого мерзкого ощущения, будто я рыба, вытщенная из воды.

Рэйвен замечает перемену в моем настроении, прищуривает глаза, но я прячу от нее глаза.

— Ну, мы заказали китайскую еду по запросу беременной леди, — говорит Виктория.

— Но леди сказала, что на вкус это то еще дерьмо, — ворчит Мэддок. — Клянусь богом, она могла бы питаться одними кукурузными чипсами с острым соусом и сладостями.

Я смеюсь, но беру себе на заметку прикупить Рэй-Рэй кучу пачек «тебе это нельзя», когда поеду домой.

Кэп, выходявший из комнаты, возвращается и ставит перед Зоуи тарелку.

— А это что? — спрашивает малышка.

— Жареная курица. И угадай, в чем она обжарена? — Виктория подмигивает Рэйвен. — В измельченных кукурузных чипсах.

Я хихикаю, а Мэддок качает головой, глядя на свою ненаглядную. Потом исчезает ненадолго и появляется с двумя тарелками в руках.

— Я смотрю, ты тоже перекусить собрался? — Он кивает на мой пакет с едой

Открываю пакет и достаю пухлый сэндвич с трай-типом¹.

— У них тут выбор невелик, но соуса они не жалеют.

Мои братья и Рэйвен едва заметно кивают. Знаю, они хотят спросить, где это «тут», но не спрашивают. Правду я все равно не скажу, а на соврать — табу. Тот факт, что я держу язык за зубами, означает лишь, что я еще не готов и они не будут давить.

Вместо этого Кэп спрашивает:

— Мак уже выехал?

— Ага, — отвечаю я с набитым ртом. — Он вернется к утру.

Братья снова кивают, но Рэйвен воздерживается.

— Тебе там нормально без него? — Она пристально всматривается в меня.

— Ну, я большой мальчик, Рэй-Рэй.

Она роняет вилку с громким звоном, эхом прозвучавшим в динамике.

— Я не о том спрашиваю, и ты это знаешь. Ты там один, Ройс. Вдали от нас.

— Я в порядке.

— Ага, это говорит парень, который ненавидит ездить в одиночестве на заднем сиденье.

Я кашляю и ерзаю на кровати.

— Честно, Рэй-Рэй, у меня все отлично.

Ее брови тревожно сходятся, но она отводит взгляд, понимая, что между нами сотни миль, и ничто не сможет этого изменить, пока я сам не решу. Обожаю эту стерву за то, что она понимает меня лучше, чем кто-либо.

Кэптен переводит разговор на нейтральную тему, и мы болтаем ни о чем. Они едят свою курицу, а я — сэндвич. В конце звонка мы договариваемся о том, что завтра созвонимся в это же время и будем делать так каждый вечер, пока все снова не окажемся рядом.

¹ Треугольная вырезка из верхней части говяжьего тазобедренного отруба.

Когда нам было по семь лет, отец каждому из нас подарил по особой вещице, чтобы еще крепче связать нас, хотя эмоционально мы были связаны гораздо раньше — с того момента, как начали осознавать себя.

Мэддоку он дал ключ, Кэптену — кастет, а мне — цепь из белого золота с крестом, семейную реликвию. У каждого из этих предметов было свое значение, напрямую связанное с тем, что он увидел в наших глазах, и моя цепь олицетворяла силу семьи как единого целого.

В семь лет я был ниже своих братьев, стройнее, но не слабее. Сам себя я видел великаном ростом в десять футов, и помню, как отец сказал мне, что я должен ходить с прямой спиной, расправив плечи. Он дал мне цепь, которая тогда свисала до пупка, а про крест сказал, что я должен с гордостью носить его, как солдат — свой жетон, как генерал — свои медали. Потому что этот крест символизирует борьбу, через которую прошла наша семья. Борьбу, от которой, он знал, я не сбегу и которой не испугаюсь.

Когда нам было по семь или даже меньше, наш отец увидел силу, о которой мы еще не знали, но в которую верили.

А теперь мы знаем.

Вытаскиваю цепь из-под рубашки и читаю слова на тыльной части креста — те, что выгравированы на каждом из наших талисманов. Пару лет назад я сделал татуировку, так что, даже если я и потеряю цепь с крестом, слова останутся, напоминая о том, что я и так никогда не забуду.

Семья — это не только общая кровь.

Дерзкое, отважное заявление — самое правдивое из всех, что я когда-либо слышал.

Мы поняли мощь этих слов, еще будучи детьми, а теперь мы ценим их еще выше.

С теми, кого мы больше всего любим, мы делим наши сердца и наши жизни — никак не меньше.

Кому-то традиция совместных ужинов может показаться чем-то тривиальным, но не нам. Это и правда традиция, и мы не желаем нарушать ее. Конечно, всякое бывает, но за послед-

нее время мы нарушили ее всего несколько раз, и мы не хотим, чтобы это повторялось часто. Это то, что мы обещали друг другу, когда росли: каким бы отстойным ни был временем наш мир, с какими бы дикими проблемами мы ни столкнулись, будь то городские или наши собственные разборки, ужинаем мы вместе. Конец дня — лучшее время, чтобы освежить воспоминания на случай, если мы вдруг лишимся всего. Что бы ни случилось, семья останется и мы будем вместе.

Семья, которая нас объединила.

А ужин — напоминание о том, что в нас течет такая же кровь, как и во всех остальных, пусть даже наш мир особенный.

Вспоминаю шутку Бриэль — о том, что мы наняли ее брата изображать гангстера для спасения наших гребаных жизней. Не такая уж это и шутка, потому что у нас хватает врагов.

Откладываю сэндвич в сторону, откидываюсь на плоские подушки и смотрю в потолок.

Гангстеры и мушкетеры.

Девчонка считает, будто знает о нашем мире все.

Далеко не все...

Но какого хрена я вообще думаю об этой пигалице, раз уж на то пошло?

Может, мне пора вернуться домой?

Меня накрывает зудящая необходимость почувствовать толпу вокруг — толпу близких людей. Мне невмоготу торчать здесь, но я подавляю в себе расслабляющие мысли.

Я только что сказал, что у меня все отлично, и так и есть. Я сам притащил себя сюда. Сам разрешил Маку уехать. У меня все в порядке.

У меня все в порядке.

Обвожу взглядом потолок с лепниной, рассматриваю облупившуюся штукатурку, потом мой взгляд притягивают часы и ключ, лежащий рядом с ними.

Да похрен.

Вскакиваю с постели, натягиваю черное худи и выхожу из номера.

Я не знаю, куда иду — просто не могу больше сидеть в запертой комнате, наполненной пронзительной тишиной.

Запрыгиваю в тачку и отъезжаю.

К тому времени, как я понимаю, куда направляюсь, я уже на месте — рядом с домом тетки Бриэль.

В доме темно, и я уже собираюсь уехать, когда вдруг замечаю вспышку.

Какого черта?

Выпрыгиваю из машины и несую свою задницу вперед. Предчувствие не обмануло — это она, лежит на поддоне от ящиков, все еще в школьной форме.

Напрягаю мускулы, подходя к ней — а вдруг труп? — но вскоре понимаю, что она дышит, и меня накрывает чувство досады.

Внутри разгорается какое-то абсурдное раздражение.

— Просыпайся.

Бриэль вскидывает голову. Волосы закрывают ее лицо, пока она в панике крутится вправо-влево. В каком-то обдолбанном угаре она наконец смахивает серебряные пряди с лица и изо всех сил жмурится.

— Давай, давай, давай, — шепчет она, поднимает руки и пальцами осторожно постукивает по векам.

— Жаль тебя прерывать, маленькая Бишоп, но если ты пытаешься себя разбудить... ты не спишь.

Каждый мускул на ее тельце сжимается, пальцы слегка раздвигаются — так, чтобы сквозь них встретиться со мной взглядом.

И тут же ее плечи опускаются вместе с руками.

— *Что* ты тут делаешь? — шипит Дюймовочка.

— Лучше скажи, какого хрена ты делаешь тут, *во дворе?* — Я приседаю на корточки рядом с ней, положив локти на колени.

На этот раз ее ладошка прикрывает зевок.

— Который час?

У меня дергается челюсть.

— Почему ты здесь, а не в доме?